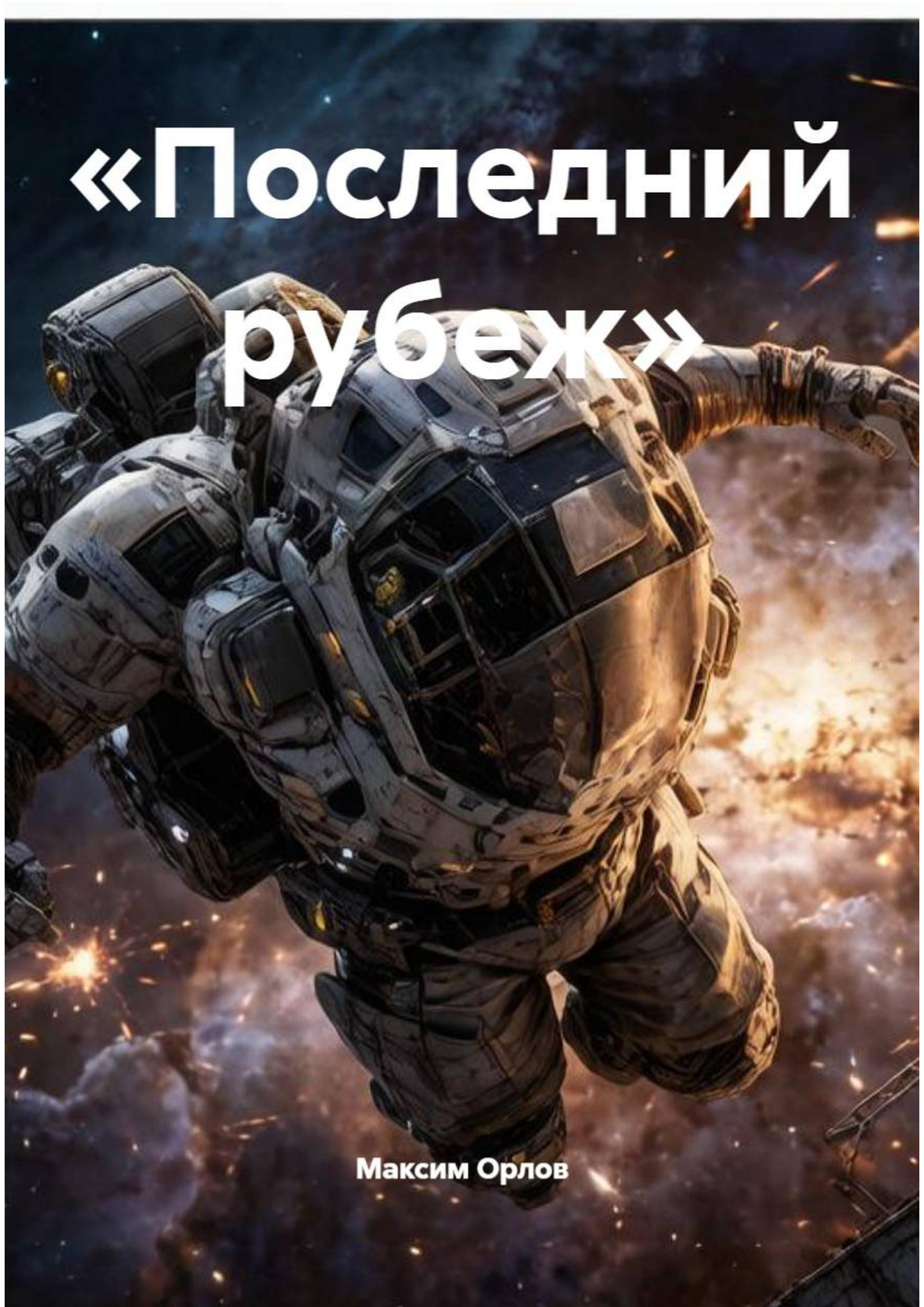

«Последний рубеж»

A large, detailed mecha robot, resembling a giant tank or war machine, is shown in a dynamic, action-oriented pose. The robot is primarily grey and black with some gold-colored accents. It has a complex, multi-segmented body with various mechanical details, including what looks like a large cannon or weapon on its right arm. The background is a dramatic space scene with a bright, fiery explosion or battle on the right side, and a dark, starry space on the left. The overall tone is intense and cinematic.

Максим Орлов

Максим Орлов
«Последний рубеж»

«Автор»

2026

Орлов М. В.

«Последний рубеж» / М. В. Орлов — «Автор», 2026

риста лет назад Земля стала мифом. Координаты прародины засекречены, а человечество воюет за остатки ресурсов среди холодного металла станций. Экипаж разведчика ВКС России «Сорок второй» — не герои, а уставшие работяги войны. Их будни пахнут перегретым маслом и сухим пайком. Всё меняет находка на борту мертвого транспорта «Дрейф»: зашифрованный фрагмент карты, указывающий путь домой. Теперь они — мишень для Западного флота, пиратов и корпораций. Впереди — Сектор Икс, кладбище кораблей, где прячется загадочная раса Призраков. Они знают дорогу к Земле, но цена этого знания может быть страшнее смерти. У них нет топлива и поддержки штаба. Корабль держится на честном слове и русской смекалке. Но есть приказ. В мире мертвых богов «Сорок второй» остается последним рубежом человеческого духа. Добро пожаловать на борт. Мы идем домой. Даже если Земли больше нет.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I: Вступление — Последний рубеж	5
Глава 1: Звёздный дозор	5
Глава 2: Утренняя смена	8
Глава 3: Повседневная служба	11
Часть II: Знакомство с миром — Потеря и поиски	15
Глава 4: История трёх веков	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Максим Орлов

«Последний рубеж»

Часть I: Вступление — Последний рубеж

Глава 1: Звёздный дозор

Камера плавно скользит вдоль узких металлических коридоров корабля «Сорок второй», постепенно приближаясь к рубке управления. Интерьер помещения выполнен в приглушённых серых и синих тонах, создающих иллюзию спокойствия посреди бескрайнего мрака космоса. Свет приборных панелей переливается мягкими бликами на стенах, отражаясь в стекле иллюминаторов, за которыми простирается величественный океан звёзд.

Человек средних лет, облачённый в потёртую форму с эмблемой ВКС России — двуглавым орлом и стилизованными крыльями, — сидит в кресле, слегка сутулясь. Его лицо выглядит усталым, покрытым лёгкой щетиной, выдавая возраст и пережитые трудности. Взгляд устремлён вдаль, туда, где сливаются границы света и тени. В руках он бережно перебирает потрёпанные карты Солнечной системы — страницы пожелтели от времени и многочисленных прикосновений. На одной из них, на месте Земли, красуется крупный вопросительный знак, нанесённый неровной рукой. Рядом лежит старая колода игральных карт, разложенная в пасьянс.

Он проводит пальцем по карте, потом переводит взгляд на звёзды за иллюминатором. Где-то там, за этой бесконечной тьмой, была Земля. Он знал это. Чувствовал. Но не мог найти.

«Триста лет мы летим, — подумал он. — Триста лет мы ищем дом, который сами потеряли. Иногда мне кажется, что Земля — это просто сказка, которую мы рассказываем себе, чтобы не сойти с ума от одиночества. Но я всё равно смотрю на звёзды и ищу её. Идиотская привычка...»

Воспоминания нахлынули внезапно — как холодная волна, от которой невозможно укрыться. Он снова увидел тот день пятнадцатилетней давности, когда получил приказ оставить эвакуационный модуль с гражданским населением. Сорок человек — женщины, дети, старики — умоляли о помощи по открытому каналу. А он смотрел на экран и ничего не мог сделать. Приказ был жестоким, но ясным: спасти груз топливных стержней, пожертвовав людьми. Он выполнил его. И до сих пор слышал их голоса по ночам.

Тот случай перевернул всё. Он перестал верить в справедливость приказов. Перестал быть просто исполнителем. И начал искать утешение в маленьких радостях повседневной жизни: в игре в пасьянс, в изучении старых карт, в попытках отыскать крупицы смысла среди бессмысленных потерь.

— Товарищ капитан, — раздался голос из динамика. — У вас всё в порядке? Я заметил, что вы не спите уже четвёртый час.

Командир узнал голос связиста. Тот должен был быть на вахте, но, судя по тону, дремал в кресле.

— Всё в порядке, — ответил он. — Просто не спится. Проверь давление в третьем контуре — мне показалось, был скачок.

— Уже проверил. Всё в норме. Может, вам стоит отдохнуть? Завтра тяжёлый день.

— Завтра всегда тяжёлый день, — усмехнулся командир. — Но ты прав. Я скоро лягу.

Он отключил связь и снова посмотрел на карту. Потом аккуратно сложил колоду, убрал во внутренний карман комбинезона и поднялся. На выходе из рубки он задержался у шкафа-

чика, встроенного в стену, открыл его и достал металлический кейс, покрытый царапинами и следами коррозии. Внутри лежал старый планшет с последними известными координатами Земли. Эти сведения стали его личной тайной, сокровищем, хранимым вопреки прямым распоряжениям командования.

Он включил планшет, пробежал пальцем по мерцающему экрану. Каждый раз, выполняя эту процедуру, он убеждался, что возвращение возможно, но одновременно осознавал невозможность осуществления задуманного. Земля — это не просто географическая точка. Это символ утраченного рая, мечта, питающая душу.

Он отключил устройство, убрал в кейс, задвинул ящик. Поправил фуражку с эмблемой ВКС и вышел из рубки.

В техническом отсеке борттехник не спала. Она сидела на корточках у пульта диагностики, вглядываясь в показатели. Цифры бежали по экрану — температура обшивки, давление в контурах, уровень радиации. Всё в норме. Но её это не успокаивало.

Она потянулась к карману и достала резинку — старую, потёртую, уже потерявшую цвет. Сунула в рот и начала жевать. Это было её лекарство от стресса. Единственное, что осталось от матери — она всегда жевала такую же, когда волновалась.

Борттехник посмотрела на блок охлаждения, установленный перед вылетом. Бракованный — она знала это, когда принимала его у тыловиков. Но выбора не было. Если блок выйдет из строя, реактор перегреется...

— Ты опять не спишь, — раздался голос из прохода.

Она обернулась. В дверях стоял старшина-такелажник, здоровяк с вечно сонным лицом. В руках — кружка с тёплым компотом.

— А ты? — спросила она.

— Я сплю всегда, — усмехнулся старшина. — Просто проснулся. Двигатель кашлянул — привычка. На, выпей. Согреешься.

Она взяла кружку, сделала глоток. Компот был синтетическим, но терпимым.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что. Если ты не выспишься, завтра не сможешь работать. А если ты не сможешь работать — кто починит реактор, когда он сломается?

— Он не сломается, — ответила она, но в голосе не было уверенности.

— Конечно, — ухмыльнулся старшина и остался в отсеке, прислушиваясь к ровному гулу реактора.

В штурманской рубке штурман сидел в крошечном отсеке, где едва помещались стол и кресло. На столе лежали бумажные звёздные каталоги — старые, пожелтевшие, с выцветшими чернилами. Он перелистывал их, сверяя координаты.

Всё было правильно. Проверил трижды. Курс стабильный. Но что-то беспокоило. Он открыл каталог на странице с Солнечной системой. Координаты были вычеркнуты — кто-то когда-то решил, что людям не нужно знать, где находится дом. Но чернила выцвели, и под ними угадывались цифры. Он запомнил их. На всякий случай.

Утром экипаж собрался в кают-компании на завтрак. На столе стояли сухой паёк, компот и тонкие галеты, которые старшина называл «пустышками». Связист смотрел на свою порцию с отвращением.

— Когда-нибудь я поем настоящего мяса, — сказал он.

— Когда-нибудь ты полетишь на Землю и будешь есть там каждый день, — ухмыльнулся старшина. — Если она вообще есть.

— Она есть, — сказал связист. — Я знаю.

— Откуда? — уточнил штурман.

— Я чувствую. Там — дом. Не здесь.

Повисла тишина. Борттехник жевала резинку и смотрела в иллюминатор. Командир перебирал свои карты, выложенные в пасьянс. Никто не знал, что сказать.

— Когда-нибудь мы вернёмся туда, — неожиданно сказал командир. — Я не знаю, когда. Но мы вернёмся.

Он поднял кружку с компотом.

— За «Сорок второй».

Экипаж повторил за ним. Все подняли свои кружки и выпили.

После завтрака они шли по коридору. Впереди — командир, за ним остальные. Все в голубых комбинезонах, с нашивками ВКС.

— Я слышал, — сказал связист, — что на «Узле Брокеров» есть кто-то, кто знает координаты Земли. Пираты, кажется. Продают карты.

— Это слухи, — отрезал штурман. — И даже если правда, мы не имеем права покупать такие данные. Нарушение приказа.

— А если приказ мешает найти правду? — спросил связист. — Тогда что?

Командир остановился и обернулся. Посмотрел на связиста, потом на остальных.

— Иногда, — сказал он, — нарушение приказа — единственный способ сделать что-то правильно. Я не говорю, что мы должны это делать. Я говорю, что мы должны думать. И решать сами.

Он повернулся и пошёл дальше.

Ночью он снова сидел в каюте и перебирал карты. Достал ту, с вопросительным знаком на месте Земли, долго смотрел на неё. Потом открыл журнал и записал:

«Цикл 341, день 18. Завтра будет новый день. Новый приказ. Я чувствую, что что-то изменится. И я боюсь этого. Но я также хочу этого.»

Он закрыл журнал, выключил свет и лёг на койку. За иллюминатором висела всё та же бесконечная чернота, усыпанная бриллиантами далёких созвездий.

Он закрыл глаза и провалился в сон.

Глава 2: Утренняя смена

Он проснулся за минуту до будильника. Старая привычка, выработанная годами службы, — организм сам знал, когда пора вставать, даже если разум ещё цеплялся за остатки сна. Командир открыл глаза, несколько секунд смотрел в потолок, прислушиваясь к привычному гулу вентиляции. Корабль жил своей жизнью — где-то в недрах корпуса перекачивались жидкости, щёлкали реле, мерно гудели двигатели. Он знал каждый звук, каждую вибрацию, каждый запах этого старого корпуса. «Сорок второй» был его домом уже столько лет, что он перестал считать.

Он поднялся, умылся ледяной водой из крана — горячей на корабле не было уже третий год, и все привыкли — и надел форму. Потёртая, со следами многочисленных ремонтов, но чистая. Нашивка ВКС на рукаве — двуглавый орёл с пушкой и пропеллером в лапах — была единственным напоминанием о том, что они всё ещё часть чего-то большего, чем просто дрейфующий в пустоте корпус.

В коридоре он столкнулся с борттехником. Она уже была на ногах, с красными глазами и кругами под ними — опять не спала, возилась с реактором.

— Доброе утро, — сказал командир.

— Какое утро, — буркнула она, жуя резинку. — Я всю ночь провозилась с этим проклятым блоком. Он работает, но я ему не верю.

— Он проработал уже три цикла, — заметил командир.

— И каждый раз я жду, когда он взорвётся.

Она вздохнула и пошла вперёд, на ходу проверяя какие-то показатели на планшете. Он смотрел ей вслед и думал о том, как много она держит на своих плечах. Ответственность за техническое состояние корабля — это не просто работа, это постоянный стресс, который она снимала только одним способом. Резинка, которую она жевала, была единственной вещью, оставшейся от матери. Она никогда не рассказывала об этом, но командир знал — такие вещи не скрывать от того, кто живёт с тобой в одном корпусе уже несколько лет.

В кают-компанию они пришли одновременно — все собрались, будто по команде. Старшина уже сидел за столом и с тоской рассматривал паёк. Штурман с планшетом в руках, сосредоточенно перепроверял навигационные данные. Связист сидел в углу с блокнотом и что-то писал, иногда поднимая глаза на иллюминатор.

— Завтрак, — сказал старшина, будто констатируя приговор. — Снова эти галеты. И компот.

— А что ты хотел? — усмехнулась борттехник. — Горячую картошку с мясом?

— Я бы не отказался.

— Мы все бы не отказались, — сказал штурман, поднимая взгляд от планшета. — Но пока мы летим в этом секторе, у нас нет доступа к свежим продуктам. Даже к синтетическим.

Связист молчал. Он писал уже четвёртый день одно и то же письмо — начинал, перечёркивал, начинал заново. Командир заметил это, но не спрашивал. Каждый имел право на свои тайны.

Они ели в тишине, нарушаемой только звуками жевания и гулом работающей системы вентиляции. Борттехник нервно жевала резинку, иногда поглядывая на старшину, который с аппетитом уплетал галеты, макая их в компот. Штурман периодически отрывался от планшета, чтобы проверить какие-то данные в старой потёртой книжке — звёздном атласе, который всегда носил с собой.

— Я слышал, — сказал связист неожиданно, — что на «Узле Брокеров» есть кто-то, кто знает координаты Земли.

— Снова это? — устало спросил штурман. — Мы обсуждали это вчера.

— Я думал, что сегодня утром настроение будет лучше, — пожал плечами связист. — Но вы опять за своё.

— Я не хочу говорить о Земле, — сказал штурман. — Это миф. Легенда, которую мы рассказываем себе, чтобы пережить очередной цикл.

— А если нет? — спросил связист. — Если она всё-таки существует?

— Тогда мы ничего не можем с этим сделать. У нас нет топлива долететь до неё. У нас нет разрешения. У нас нет даже точных координат.

Связист замолчал и снова уткнулся в свой блокнот. Командир слушал их разговор и молчал. Он знал, что Земля существует — у него были доказательства, которые он хранил в старом кейсе. Но он не мог сказать им. Не сейчас.

— Сегодня мы заступаем на патрулирование, — сказал командир. — Сектор «Гамма-Сигма». Стандартный обход.

— Опять смотреть на пустоту? — спросил старшина.

— Смотреть на пустоту, — подтвердил командир. — Но кто-то должен это делать.

Старшина тяжело вздохнул и принялся за еду, стараясь не думать о том, что где-то там, за пределами видимости, есть планета, о которой они все говорят и молчат одновременно.

Когда завтрак закончился, экипаж разошёлся по рабочим местам. Борттехник отправилась в машинное отделение — проверять показатели и слушать старые записи переговоров, которые она всегда держала при себе. Штурман поднялся в рубку, чтобы сверить курс, а связист снова сел за стол и развернул перед собой старый конверт с маркой — неотправленный. И вновь начал писать.

Командир задержался на мгновение, глядя, как связист водит ручкой по бумаге. Он знал, что тот пишет своей умершей сестре, оставшейся на Земле. Парень никогда не отправлял эти письма, но они помогли ему сохранять связь с прошлым. Командир не спрашивал, не лез в душу — он просто давал ему возможность делать то, что нужно.

В штурманской рубке штурман сидел, как всегда, с планшетом и книгой в руках. Он перелистывал страницы, сверяя данные и кивая сам себе. Командир остановился в дверях, наблюдая за ним.

— Я слышал ваш разговор за завтраком, — сказал он.

— Не стоит принимать его всерьёз, — ответил штурман. — Этот мальчишка слишком много мечтает.

— А ты не мечтаешь?

Штурман оторвался от книги, на мгновение задумался, погладил страницу, потом снова перевёл взгляд на экран планшета.

— Я мечтаю о том, чтобы этот корабль вернулся на базу целым и невредимым, — сказал он.

— Это совсем не то же самое, что мечтать о Земле.

— Это единственное, что мне под силу, — ответил штурман тихо. — Я видел, что бывает, когда мечты оборачиваются катастрофой. Когда ошибка в расчётах стоит жизни людям. Мне не нужна Земля. Мне нужно, чтобы мы все дожили до завтрашнего дня.

Он замолчал, и командир не стал настаивать. Он понимал, что штурман носит в себе груз прошлого — однажды его ошибка стоила жизни целому экипажу. И теперь он трижды перепроверял каждую цифру, боясь повторить тот кошмар. Каждый справлялся по-своему.

В машинном отделении борттехник слушала старые записи переговоров — голоса людей, которые уже давно умерли. Это было её способом сохранять контакт с тем миром, которого уже не существовало. Она прикрыла глаза, позволяя голосам заполнять пустоту, когда вдруг услышала шаги.

— Опять ты здесь, — сказала она, не оборачиваясь. — Снова проверяешь блок?

— А ты всё ещё слушаешь это старьё, — ухмыльнулся старшина, заходя внутрь.

— Это не старьё, — возразила она. — Это память.

— О чём?

— О том, что мы были когда-то людьми. Не просто винтиками в этой огромной машине, а людьми, у которых были имена, лица, голоса. А теперь всё, что от них осталось — это эти записи.

Она замолчала, прислушиваясь к потрескиванию и обрывкам фраз, доносившимся из динамика.

— Мой дед был одним из первых, кто покинул Землю, — вдруг сказал старшина. — Он говорил, что там было зелено. Что небо было голубым. Что можно было дышать без скафандра. Я не верю в это, но он говорил.

— А я верю, — тихо сказала борттехник. — Потому что хочу верить. Хочу думать, что где-то есть место, где мы можем быть просто людьми. Без этой вечной войны, без грязи и ржавчины. Просто жить.

Старшина помолчал, потом положил свою тяжёлую руку ей на плечо.

— Может быть, — сказал он. — А может быть, мы просто слишком долго смотрели на звёзды.

Ближе к вечеру, когда экипаж снова собрался в кают-компании, командир сел за стол и взял в руки старую колоду звёздных карт. Он достал одну и задумчиво провёл пальцем по её краю. Эту карту он хотел бы показать им всем, но не мог — пока не мог.

— Мы снова завтра идём на патрулирование? — спросил связист.

— Да, — ответил командир. — Но через два дня у нас будет возможность зайти на «Узел Брокеров». Пополнить запасы.

— Это хорошо, — сказал старшина. — Может, там будет что-то съедобное. Настоящее.

Они обменялись взглядами. Все знали, что «Узел Брокеров» — это не просто станция. Это место, где можно встретить пиратов. Место, где можно найти что угодно — и где можно потерять всё.

— Я лягу пораньше, — сказал связист, поднимаясь. — Завтра тяжёлый день.

Он вышел из кают-компании, оставив остальных в тишине. Борттехник посмотрела на дверь, потом перевела взгляд на командира.

— Ты что-то знаешь, — сказала она. — Я вижу это по твоим глазам. Ты знаешь, где Земля.

— Я знаю только то, что она существует, — сказал командир. — И это всё, что я могу сказать.

Он убрал карты в карман и поднялся. В его голове звучали слова, которые он когда-то записал в своём журнале: «Однажды я расскажу им. Когда буду готов. Когда они будут готовы. А пока пусть каждый ищет свой путь домой — по-своему, через тишину и пустоту».

Ночью на корабле снова будет дежурить связист, и он снова будет писать письмо, которое никогда не отправит. В машинном отделении борттехник будет слушать голоса мёртвых. Штурман — перепроверять цифры, боясь ошибиться. А старшина будет спать, чутко прислушиваясь к вибрации двигателя.

Глава 3: Повседневная служба

Утро на «Плесецке-2» началось с привычного гула — станция никогда не спала. Где-то в недрах корпуса перекачивали топливо, работали компрессоры, щёлкали реле автоматики. Экипаж «Сорок второго» построился на плацу перед штабом — ровные шеренги голубых комбинезонов, лица, ещё сонные после ночного дежурства.

Командир стоял в первом ряду и слушал, как начальник штаба зачитывал приказы. Всё как обычно: усилить бдительность, проверить системы жизнеобеспечения, доложить о расходе топлива. Рутинная работа, которой было уже триста лет. Он кивал, но думал о другом — о карте Земли, которая лежала в его планшете. О вопросительном знаке на месте дома, которого никто никогда не видел.

— «Сорок второму» — заступить на патрулирование сектора «Гамма-Сигма», — донёсся голос начальника. — Проверить зону дрейфа старых транспортников. Докладывать о любых аномалиях. Вопросы?

Вопросов не было. Вопросы были только у командира, но он их не задавал.

После построения экипаж разошёлся по своим постам. Штурман поднялся в рубку, чтобы сверить курс. Связист занял свой пост у коммуникационного пульта — проверял каналы, слушал эфир, иногда вставлял короткие замечания в общий канал. Старшина отправился проверять внешние крепления — его шахтёрский инстинкт подсказывал, что обшивка корабля требует внимания.

Борттехник осталась в техническом отсеке. Она провела пальцем по холодной поверхности блока охлаждения — того самого, который они установили перед прошлым вылетом. Он работал, но она ему не верила. Было что-то в его гуле — едва заметное, почти неуловимое, — что заставляло её насторожиться.

«Сорок второй» отчалил от станции ровно в десять ноль-ноль. Двигатели работали чисто, маневровые дюзы послушно реагировали на каждую команду. За иллюминаторами снова была пустота — только звёзды и далёкие вспышки туманностей. Экипаж занял свои места, и рубка погрузилась в рабочую тишину.

— Курс проложен, — доложил штурман. — Расчётное время прибытия в сектор — шесть часов.

— Принято, — ответил командир. — Держать связь с базой. Связист, слушай эфир.

— Слушаю, — отозвался тот. — Всё чисто.

Прошло два часа. Они миновали несколько старых транспортников, превратившихся в кладбища металла и пыли. Ничего интересного. Никаких признаков жизни. Просто пустота, которая смотрела на них тысячами холодных глаз.

— Есть сигнал, — сказал связист. — Слабый, но это не помехи.

— Расшифруй, — приказал командир.

— Похоже на старый автоматический маяк. Он повторяет координаты, но они устарели.

И ещё... странно.

— Что странно?

— Он передаёт не только координаты, но и какой-то код. Я не могу его распознать.

Командир нахмурился. Он не любил странностей. В их мире странности редко заканчивались хорошо.

— Запиши его, — сказал он. — Покажем аналитикам на базе.

— Есть.

Внезапно корабль тряхнуло. Коротко, резко — словно кто-то ударил по корпусу огромным молотом. Связист едва удержался в кресле. Командир мгновенно нажал кнопку тревоги.

— Всем по местам! — скомандовал он. — Старшина, что у нас?

— Столкновение с малым объектом! — крикнул старшина. — Обшивка цела, но в третьем отсеке сработала герметизация!

— Борттехник, проверь!

— Уже бегу, — ответила она.

Она рванула в третий отсек — и сразу поняла, что там что-то не так. Вместо привычного гула систем она услышала свист, похожий на ветер, хотя на корабле не должно было быть ветра. Это была разгерметизация — маленькая, незаметная, но опасная. Она быстро перекрыла все заслонки и переключила подачу воздуха на резервную систему.

— Есть небольшая трещина в стыковочном узле, — доложила она. — Я могу заделать её, но нам нужно снизить давление в этом отсеке.

— Делай, — сказал командир.

Борттехник надела скафандр и вышла наружу. Там, в безвоздушном пространстве, она заделала трещину специальным составом и проверила герметичность. Всё было в порядке.

— Готово, — сказала она. — Можем продолжать полёт.

— Возвращайся, — приказал командир.

Она вернулась в шлюз, сняла скафандр и пошла в рубку.

— Это было странно, — сказала она. — Мы не должны были столкнуться с объектом — радар ничего не показал.

— Значит, объект был слишком мал для радара, — сказал штурман. — Или он двигался слишком быстро.

— Или он был невидим для радара, — сказал связист.

Командир посмотрел на них и покачал головой.

— Не будем строить догадки, — сказал он. — Возвращаемся на базу.

— Есть.

Они развернулись и взяли курс на «Плесецк-2». Связист снова проверял эфир, но больше ничего странного не обнаружил. Только тишина и статический шум.

На «Плесецке-2» их уже ждали. Командир поднялся в штаб и доложил о происшествии. Начальник штаба задумался.

— Это мог быть метеорит, — сказал он. — Или обломок старого корабля. Проверьте оборудование и доложите завтра.

— Есть.

Командир вышел из штаба и направился к складу — нужно было пополнить запасы для следующего вылета. Он нашёл нужный ему отдел и подошёл к столу тыловика.

— Товарищ старшина, — обратился он. — Нам нужен новый блок охлаждения для реактора.

— Второй, — буркнул тыловик, даже не подняв головы от бумаг.

— Что «второй»?

— Второй день жду, пока привезут. Весь на складе уже разобрали. Нет у меня блоков.

Командир почувствовал, как нарастает раздражение. Ему уже приходилось сталкиваться с этим тыловиком — и каждый раз это заканчивалось одним и тем же.

— Старшина, я знаю, что вы недавно получили партию с «Гелиос Индастриз». Я видел накладные.

Тыловик наконец поднял голову. Его маленькие глаза смотрели с вызовом.

— Этот блок уже ушёл другому подразделению, — сказал он. — Я не могу нарушать график распределения.

— Другому подразделению? — переспросил командир. — Я разговаривал с их командиром два часа назад. Он не получал блоки.

— Значит, ошибка в документации, — пожал плечами тыловик. — Такое бывает.

Командир медленно выдохнул. Он чувствовал, как гнев закипает внутри, но позволял себе только холодную злость.

— Старшина, дайте мне блок. Иначе я пойду к начальнику штаба и доложу о нарушениях в системе снабжения.

— Идите, — усмехнулся тыловик. — Только он тоже скажет, что блоки кончились.

Они стояли друг напротив друга, и напряжение в коридоре можно было резать ножом. Тыловик выдержал паузу, потом достал потёртый планшет, что-то проверил.

— Есть один блок, — сказал он небрежно. — Но он не новый. Списанный. Если вы согласны взять его — он ваш.

— Показывайте, — сказал командир.

Тыловик привёл его в дальний склад, где в углу лежал старый, покрытый пылью блок. Командир подошёл и осмотрел его. Следы коррозии, потёртые разъёмы, царапины на корпусе — он явно пережил не один ремонт.

— Он рабочий? — спросил командир.

— Работал в прошлом месяце на «Шторме», — ответил тыловик. — Потом списали. Но он должен работать.

— Должен — не значит работает, — сказал командир. — Если он подведёт нас в полёте, я напишу рапорт. И вы пойдёте под трибунал.

— Он не подведёт, — усмехнулся тыловик, но в глазах мелькнула тень сомнения.

В этот момент в динамике раздался голос связиста:

— Командир, у нас проблема. Станция «Пирс», которую мы заметили, начинает подавать сигналы. Но они не похожи на обычные.

— Что за сигналы?

— Похоже на код. Я не могу его расшифровать, но он повторяется.

— Запиши его, — сказал командир. — Мы разберёмся позже.

— Есть.

Командир взял блок и направился к выходу, не оглядываясь на тыловика.

В техническом отсеке он отдал блок бортехник. Она посмотрела на него и покачала головой.

— Это та дрянь, которую нам всучили? — спросила она. — Ты серьёзно?

— У нас нет выбора.

— У нас всегда есть выбор, — возразила она. — Мы могли бы запросить новый блок через штаб.

— Он пришёл бы через месяц. А нам надо лететь завтра. Ты же знаешь.

— Я знаю, — вздохнула она. — Ладно. Поставлю его под контроль. Буду следить за температурой и давлением.

— Спасибо.

Она подключила блок к диагностическому оборудованию и начала тестирование. Индикаторы загорелись красным, потом переключились на жёлтый.

— Работает, — сказала она. — Но я не гарантирую стабильность.

— Главное, чтобы продержался до возвращения.

— Постараюсь.

Вечером экипаж снова собрался в кают-компани. На столе — снова галеты, компот и усталые лица.

— Завтра мы снова летим, — сказал командир. — В сектор «Гамма-Сигма». Будем искать «Дрейф». Мы получили координаты от разведки, но точного местоположения нет.

— Будем искать иголку в стоге сена, — усмехнулся старшина.

— Будем искать, — подтвердил командир. — Потому что это наш долг.

— Или наша смерть, — тихо сказал связист.

Все замолчали. Командир посмотрел на экипаж и заметил в каждом из них усталость и тревогу — но и решимость.

— Мы вернёмся, — сказал он. — Мы всегда возвращались. И на этот раз тоже.

Он поднял кружку с компотом.

— За «Сорок второй».

— За «Сорок второй», — повторили остальные.

Ночью командир снова сидел в каюте и перебирал карты. На столе лежала потёртая колода, и он нашёл ту самую карту — с вопросительным знаком на месте Земли. Он смотрел на неё и думал о том, что завтра начнётся новая глава.

Он услышал шаги в коридоре. Борттехник остановилась у двери, постучала.

— Я всё проверила. Блок работает. Но я поставила его под контроль и буду следить за показателями.

— Хорошо, — сказал он. — Спасибо.

— Я боюсь, командир, — тихо сказала она. — Я боюсь, что мы не найдём ничего. Или найдём то, что убьёт нас.

— Бойся, — сказал он. — Это нормально. Но не позволяй страху остановить тебя.

Она кивнула и ушла. Командир снова посмотрел на карту и убрал её в ящик. Завтра будет новый день.

Часть II: Знакомство с миром — Потеря и поиски

Глава 4: История трёх веков

Кают-компания «Сорок второго» была тесной, но уютной — если можно назвать уютом шесть квадратных метров, заставленных закреплёнными стульями и столом, который одновременно служил обеденным, рабочим и игровым. Вечером здесь всегда собирались все, даже если не было особого повода. Просто так было спокойнее — слышать дыхание других, чувствовать, что ты не один в этой бесконечной пустоте.

Старшина сидел в углу, откинувшись на спинку стула и тяжело вздыхая. На столе перед ним стояла кружка с остатками компота — вчерашнего, но он всё равно пил, потому что другого не было. Борттехник разбирала какой-то старый датчик, выковыривая из него почти целые детали, которые ещё могли пригодиться. Связист сидел с блокнотом, но не писал — просто держал ручку и смотрел в иллюминатор, где висела всё та же бесконечная чернота.

Штурман вошёл последним, неся под мышкой старую книгу в потёртом переплёте. Он сел за стол, открыл её на середине и начал читать, шевеля губами.

— Опять твой звёздный атлас? — спросил старшина, не скрывая любопытства.

— История, — поправил штурман, не отрываясь от страниц. — Книга про Исход. Я нашёл её на «Пирсе» в прошлый раз.

— И что там пишут?

Штурман поднял глаза, задумался на мгновение, провёл пальцем по странице, будто проверяя, настоящая ли она, потом закрыл книгу и положил на стол.

— Всякое, — сказал он. — Но в основном то, что мы все знаем. Триста лет назад Земля стала непригодной для жизни. Климатические войны, истощение ресурсов, радиация. Люди поняли, что если не улететь, они погибнут. Так начался Исход.

— Тысячи кораблей, — тихо добавил связист, поднимая голову. — И ни одного, который бы вернулся.

Штурман кивнул.

— Все думали, что найдут новый дом. Но технологии были спешными, несовершенными. Большинство кораблей просто исчезли — потеряли связь, разбились, затерялись в неизведанных секторах. Те, кто выжил, создали колонии. Но они не были готовы к тому, что их ждало в космосе.

— Какой-то старый учебник, да? — спросил старшина, покачав головой. — Скука.

— Нет, — возразил штурман. — Это не учебник. Это дневник одного из первых пилотов. Он писал о том, что видел. О том, как их корабль терял связь с Землёй. Как они пытались найти других, но наткнулись на пустоту. Как постепенно переставали верить в возвращение.

Борттехник отложила датчик и подняла голову.

— А ты веришь в возвращение? — спросила она. — Ну, если честно?

Штурман задумался, потом убрал книгу в сторону.

— Я верю в расчёты, — сказал он. — А расчёты говорят, что Земля существует. Её координаты засекречены, но они есть. Вопрос только в том, как их получить.

— И что бы ты сделал, если бы получил? — спросил командир, который до этого молчал, перебирая свои карты.

— Я бы построил маршрут, — ответил штурман. — И полетел бы. Хотя бы попытался.

— А ты не боишься, что там уже ничего нет? — спросил связист. — Что она разрушена, пуста, непригодна для жизни?

— Боюсь, — сказал штурман. — Но я всё равно хочу увидеть её своими глазами. Потому что если есть шанс, даже маленький, я готов рискнуть.

Наступила тишина. Только гул вентиляции напоминал о том, что они всё ещё летят в пустоте.

Борттехник перевела взгляд на командира.

— А ты, командир? — спросила она. — Что бы ты сделал, если бы у тебя были координаты Земли?

Командир отложил карты. Он смотрел на неё, и в его глазах была та же усталость, что и у всех.

— Не знаю, — ответил он. — Я бы хотел сказать, что полетел бы, но я должен думать о вас. О нашей безопасности. О том, что мы можем не вернуться.

— Но ты бы хотел, — сказал связист.

— Я бы хотел, — признался командир. — Но желания и реальность — разные вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.